

О.С. Поликарпова

ОБОСНОВАННОСТЬ ПОДОЗРЕНИЯ В ПРИЧАСТНОСТИ К СОВЕРШЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ДОПУСТИМОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Ольга Сергеевна Поликарпова – старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург; **e-mail:** zhuravlenok_os@mail.ru.

В статье проанализирована сущность понятия обоснованности подозрения с учетом правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, а также дискуссий научного сообщества. Рассмотрены значимость исследуемого понятия для развития процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве и необходимость выработки критериев обоснованности подозрения. Проанализированы источники права дореволюционного периода и с учетом исторического опыта развития уголовного судопроизводства предложены критерии, позволяющие признать подозрение обоснованным. Эти критерии могут быть положены в основу аргументации приоритетности обоснованного подозрения для введения в процессуальный статус лица, вовлекаемого в уголовно-процессуальную деятельность, следствием его уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное преследование; обоснованность подозрения; критерии обоснованности; подозреваемый.

O.S. Polikarpova

ON VALIDITY OF SUSPECTING INVOLVEMENT IN COMMITMENT OF SOCIALLY DANGEROUS ACT AS MANDATORY CRITERION FOR ADMISSIBILITY OF CRIMINAL PROSECUTION

Olga Polikarpova – Senior lecturer, the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg; **e-mail:** zhuravlenok_os@mail.ru.

The article analyzes the essence of the validity of suspicion in view of the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, as well as given the discussions of the scientific community. The author discusses the significance of the concept under study for the development of the procedural status of a suspect in Russian criminal proceedings and the need to develop criteria for the validity of suspicion. The sources of law of the pre-revolutionary period are analyzed and taking into account the historical experience of the development of criminal proceedings, specific criteria are proposed that make it possible to recognize suspicion as justified. These criteria can be used as the basis for the argument of the priority of reasonable suspicion for introducing into the procedural status a particular person involved in criminal procedural activities as a result of his

criminal prosecution.

Keyword: *criminal prosecution; validity of suspicion; criteria of validity; suspect.*

В российском уголовном судопроизводстве подозреваемым, согласно ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), признано лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело; которое задержано в предусмотренном ст. 92 УПК РФ порядке при наличии к тому указанных в ст. 91 УПК РФ оснований; подвергнутое применению меры уголовно-процессуального пресечения в соответствии со ст. 100 УПК РФ и при этом исключительно при расследовании преступления, не требующего обязательного производства предварительного следствия, которому вручено уведомление о подозрении в совершении преступления.

Однако сложно признать бесспорными и полностью оправданными перечисленные основания. Нам представляется, что процессуальное задержание и тем более применение меры пресечения в отношении того или иного лица, в процессуальный статус еще не введенного, при условии отсутствия оснований и(или) мотива для его задержания либо возбуждения уголовного дела не в его отношении, а по факту совершения преступления, не должно выступать безусловным основанием возникновения процессуального статуса подозреваемого. Вместе с тем оставление лица, в отношении которого возникли подозрения о его причастности к совершению преступления, либо производство его допроса в процессуальном статусе свидетеля недопустимы, даже при условии, что правоприменительная практика в нарушение требований высших судов РФ [7] фактически допускает последнее путем допроса в качестве свидетеля лица, изобличающего себя в причастности к совершению преступления в ходе опроса, предшествующего производству допроса, и отвечающего в ходе допроса в статусе свидетеля на изобличающие его вопросы следователя, в том числе о виновности в совершении преступления, будучи предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 307 Уголовного кодекса (УК) РФ [17]. Выразим убежден-

ность в том, что возникновение подозрения должно порождать принятие процессуального решения, определяющего процессуальный статус лица, в отношении которого оно возникло, и должно быть освобождено относительно зависимости от меры принуждения в виде задержания и мер уголовно-процессуального пресечения, то есть должно выступать условием допустимости их применения, а не наоборот. Не спорим, что возникновение подозрения не в каждом случае является достаточным для начала уголовного преследования того или иного лица. Ввиду этого для совершенствования российского уголовного судопроизводства считаем значимым расширение термина «подозрение», предложенного, в частности, И.А. Пантелеевым [12, с. 4] до обоснованного подозрения.

Полагаем, обоснованность подозрения способна выступать вместе с тем и критерием определения законности осуществления уголовного преследования в целом, и принятия ряда процессуальных решений в отношении лица, уголовному преследованию подвергнутого, в том числе и быть составляющей описательной и мотивировочной части принимаемых процессуальных решений. К таким решениям следует прежде всего отнести применение мер уголовно-процессуального принуждения, существенно ограничивающих свободу личности, гарантируемую Конституцией РФ.

К примеру, значимой составляющей защиты от произвольного ареста и задержания Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ, Европейский Суд) определял именно «обоснованность подозрения» [15]. Даже в условиях выхода РФ из Совета Европы значимость правовых позиций ЕСПЧ для России не утрачена, поскольку применяемые Европейским Судом формулировки при разъяснении позиций и аргументации принимаемых решений давно вошли в основу уголовно-процессуального законодательства РФ, породили принятие множества национальных нор-

мативных правовых актов, законную силу не утративших. Это указывает на допустимость упоминания в настоящем исследовании правовых позиций, основанных на международных договорах.

На необходимость установления обоснованности подозрения обратил внимание и Верховный Суд РФ, указав судам в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» на допустимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу только после проверки обоснованности подозрения лица в причастности к совершению преступления, подразумевая под обоснованностью наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению, фактически определяя критерием достоверности наличие оснований для задержания лица по подозрению в совершении преступления, но предостерегая суды от неправомерного на данном этапе уголовного судопроизводства обсуждения вопроса о виновности лица [8]. Вместе с тем Верховным Судом РФ при даче судам разъяснений указано на то, что проверка обоснованности подозрения не должна осуществляться формально и быть построенной исключительно на применяемых органами предварительного расследования в постановлениях о возбуждении перед судом ходатайства об избрании той или иной меры пресечения из числа отнесенных, согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ, к полномочиям суда формулировках о наличии достаточных данных, указывающих на причастность лица к совершенному преступлению, в том числе обращая внимание судов на необходимость тщательной проверки обоснованности подозрения в содержании представленных перед судом копий материалов уголовного дела. Тем самым Верховный Суд РФ предостерегал от существенного нарушения положений ч. 4 ст. 7 УПК РФ как следствия формального подхода суда к установлению обоснованности подозрения, способного повлечь за собой отмену решения об

избрании судом меры пресечения по результатам удовлетворения ходатайства органов предварительного расследования [10]. Однако в действующей редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ [8], в которое приведенные изменения внесены в 2016 г. в контексте проверки обоснованности подозрения, положения уже изложены в сокращенном варианте. Относительно обоснованности подозрения упоминает Верховный Суд РФ и ранее в вынесенных постановлениях [9].

Конституционный Суд РФ также не исключает из содержания принимаемых решений формулировку «обоснованное подозрение», несколько расширяя ее до «законности и обоснованности выдвигавшихся в отношении лица подозрений», предоставляя итоговым решением возможность признания права на реабилитацию лица в случаях прекращения в отношении него уголовного преследования при декриминализации деяния в ходе досудебного производства, условием которой может служить установление незаконности и необоснованности вынесенных органом дознания и предварительным следствием актов, фиксирующих в том числе выдвинутое подозрение в инкриминируемом лицу деянии [14].

Несмотря на то, что нередко судами высшей инстанции применено понятие «обоснованное подозрение», законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законе РФ или ином правовом акте уголовно-процессуального законодательства оно не нашло. Не позволяет нам усомниться в значимости обоснованного подозрения для уголовного судопроизводства и правоприменительная практика.

Например, адвокат коллегии адвокатов г. Москвы «Ошеров, Онисковец и Партнеры» Ю.М. Бадыло констатировала отсутствие понятия «обоснованное подозрение» в положениях УПК РФ, указав на фактическое применение судами указанного термина. Адвокат привела в своей рукописи ряд судебных решений, в которых судами акцентировано внимание на анализируемое ею понятие, а именно: апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан по делу

№ 22К-1092/2016 от 2 июня 2016 г., из содержания которого следует вывод суда об отсутствии в представленных суду органом предварительного расследования материалов уголовного дела данных, подтверждающих обоснованность подозрения, выдвинутого в отношении лица; апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-12165/18 от 12 июля 2018 г., в описательной части которого судом аргументирована допустимость применения любой меры пресечения наличием обоснованного подозрения; апелляционное постановление Краснодарского краевого суда по делу № 22-7589/2019 от 29 октября 2019 г., в описательной части которого суд указал на необходимость исследования доказательств, подтверждающих обоснованное подозрение, даже в случае продления срока применения меры пресечения [4].

Но под термином «обоснованное подозрение» Ю.М. Бадыло предлагает понимать «совокупность фактов, на основании которых при изучении представленного для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу материала реально существует возможность сделать вывод о том, что лицо, о котором идет речь, могло совершить инкриминируемое преступление» [4]. Это определение представляется нам недостаточно емким и не в полной мере согласованным с разъясняемой дефиницией, поскольку нами, согласно результатам дополнительного изучения указанных решений судов апелляционной инстанции [1; 2; 3], установлен факт обжалования не только применения самой строгой из предусмотренных УПК РФ меры пресечения и не только в отношении лица, введенного в статус подозреваемого, но и в отношении обвиняемого.

Элементы, позволяющие выстроить систему подозрения, еще спустя менее года с момента вступления в законную силу УПК РФ предлагал В.Ю. Мельников [5, с. 28]. Однако, как нам представляется, они, скорее, выстраивали этапы, на которых может возникнуть подозрение, а к разъяснению его обоснованности отношения не имели.

Считаем, что «обоснованное подозре-

ние» должно выступать основанием начала уголовного преследования и одновременно аргументом допустимости, необходимости введения в процессуальный статус подозреваемого лица, уголовному преследованию за совершение общественно опасного деяния подлежащего, что при этом не следует рассматривать в качестве исключительной необходимости применения меры пресечения, выступающей сегодня одним из оснований возникновения статуса процессуальной фигуры. Обоснованное подозрение, на наш взгляд, должно служить условием допустимости и (или) необходимости применения меры пресечения.

В частности, в п. 11 ст. 3 Общей части УПК Грузии предусмотрено понятие, схожее с обоснованным подозрением, только сформулированное как «обоснованное предположение» [18]. Но содержание приведенной дефиниции видится слишком расплывчатым и не позволяет выделить обстоятельства отнесения подозрения (согласно УПК Грузии – предположения) к обоснованному, что представляется нам необходимым.

Вышеизложенное вырисовывает перед нами следующую ситуацию. Процессуальная фигура подозреваемого не может появляться в процессе без предшествующего этому возникновения подозрения, и оно в отношении той или иной личности должно быть очерчено четкими критериями, позволяющими признать такое подозрение обоснованным. Прежде чем сформулировать критерии, подлежащие применению в современном уголовном судопроизводстве при анализе некоего произошедшего события, указывающего на наличие в действиях (бездействии) лица признаков общественно опасного деяния, рассмотрении в этой связи вопроса об обоснованности возникшего подозрения, уместно исследовать содержание одного из исторических документов, сыгравшего значимую роль для становления отечественного уголовного процесса. Так, положениями официального документа 1836 г., именуемого «Учреждение Санкт-Петербургской городской полиции» [19], закреплены обстоятельства, которые служили

уликами в большей части преступлений и предусмотренных в соответствующий исторический период проступков. Однако, предшествуя детальному рассмотрению сформулированных почти два века назад обстоятельств, которые в указанный период называли уликами, следует разъяснить, что в исторический период, когда сформулированы представляющие для нас сегодня научный интерес обстоятельства, фактического разграничения между процессуальными фигурами подозреваемого и обвиняемого в источниках права дореволюционного периода еще не прослеживалось. Это достоверно установлено автором настоящей рукописи посредством изучения большинства из них [6, с. 99–101; 16; 20, с. 267–268; 21, с. 25–26].

Так, в § 380–382 исследуемого документа, учреждающего городскую полицию Санкт-Петербурга, обстоятельства, указывающие на причастность к преступлению, сформулированы следующим образом: «1. Когда обвиняемый во время совершения дѣла имѣлъ при себѣ тотъ самый инструментъ или средство, съ помощію коего дѣло совершено; или когда онъ искалъ снабдить себя инструментами, либо средствами, нужными къ совершенію преступленія или проступка, или же когда въ его жилищѣ, либо въ избранномъ имъ для храненія мѣстѣ, найдены таковыя инструменты или средства. 2. Когда обвиняемый склонялъ другихъ къ совершенію преступленія или проступка, или когда о способахъ, какъ учинить ихъ, испрашивалъ совѣта, либо навѣдывался. 3. Когда онъ о намѣреніи совершить преступленіе или проступокъ опредѣлительно даль знать посредствомъ предшествовавшихъ дѣлу угрозъ, или же письменнаго, либо словеснаго объявленія. 4. Когда обвиняемый по наружному виду, оружію, одеждѣ или по другимъ признакамъ оказывается точно таковымъ, какимъ описываютъ виновнаго или свидѣтели, или тотъ, надѣкъмъ преступленіе либо проступокъ совершены. 5. Когда обвиняемый испытывалъ способы, служащіе къ совершенію преступленія, или проступка, или въ таковыхъ способахъ упражнялся. 6. Когда во время совершенія преступленія или про-

ступка обвиняемый находился въ томъ мѣстѣ, гдѣ они совершены, или когда въ томъ мѣстѣ найдена вещь, которая во время совершенія преступленія или проступка находилась у обвиняемаго, и притомъ, когда того или другаго изъ сихъ случаевъ невозможно съ вѣроятностію объяснить иначе, какъ только преступленіемъ или проступкомъ, или когда обвиняемый на мѣстѣ преступнаго дѣйствія или вблизи отъ онаго, незадолго до совершенія или вскорѣ за тѣмъ найденъ переодѣтымъ, подсматривающимъ или спрятавшимся; или когда онъ на томъ мѣстѣ и въ то время занимался только намѣреніемъ совершить преступленіе или проступокъ или самымъ совершеніемъ ихъ. 7. Когда у обвиняемаго, или въ его жилищѣ, либо въ другомъ избранномъ имъ для храненія мѣстѣ найдены вещи, которыя тотъ, надѣкъмъ совершено преступное дѣйствіе, имѣлъ во время совершенія онаго при себѣ, или когда у обвиняемаго, либо въ означенныхъ мѣстахъ найдено личное. 8. Когда на тѣлѣ обвиняемаго, на его платьѣ или на другихъ принадлежащихъ ему или найденныхъ у него вещахъ, открыты знаки преступленія, или проступка, или знаки употребленнаго при ономъ насилія. 9. Когда обвиняемый послѣ того, когда совершено преступное дѣйствіе, бѣжалъ или нѣкоторое время скрывался, безъ всякой достаточной къ тому причины. 10. Когда онъ удалилъ, скрылъ или уничтожилъ слѣды преступнаго дѣйствія, или объ удаленіи, сокрытіи, или уничтоженіи ихъ старался, или когда искалъ другихъ способовъ избѣгнуть законнаго преслѣдованія» [19].

В свою очередь, § 384 обязывал полицию «черезъ развѣдываніе безъ огласки, или иными мѣрами, для обвиняемаго непредосудительными, удостовѣриться, есть ли достаточная причина подвергнуть его слѣдствію» [19, с. 87], то есть посредствомъ проведения оперативно-розыскныхъ мероприятий, если толковать с помощью современнаго языка этотъ фрагмент [13, с. 88]. Тем самымъ распространялась возможность применения вышеперечисленныхъ уликъ для установленія причастнаго к совершенію общественно опаснаго деянія

лица еще до предварительного расследования обстоятельств его совершения.

Изложенное формирует очевидный вывод о том, что, несмотря на почти двухсотлетнюю давность периода разработки документа, большинство предложенных обоснований причастности лица к преступлению (или проступку с учетом исследуемого периода) по-прежнему актуальны, в том числе выступают положениями ряда норм действующего на территории РФ уголовно-процессуального закона. Оставшиеся нуждаются лишь в некой модернизации.

Именно на предложенных в период правления Александра II в Российской Империи положениях считаем целесообразным сформулировать критерии, позволяющие не только заподозрить лицо в причастности к совершению общественно опасного деяния, но и признать возникшее подозрение обоснованным. Соответственно, в целях уяснения понятия «обоснованное подозрение» нами сформулирован примерный перечень критериев, которые дают возможность признать допустимым, оправданным и обоснованным возникновение в отношении того или иного лица подозрения в причастности к совершению общественно опасного деяния, в количестве, предоставляющем возможность выбора подходящего из них в той или иной ситуации.

1. Если лицо имело при себе орудие или средство совершения деяния, содержащего признаки общественно опасного, или осуществляло его приискание, изготовление, либо приспособление, а равно сговор с иными лицами на совершение такого деяния.

2. Если в его жилище или избранном им в качестве хранилища месте обнаружены орудия или средства совершения деяния, содержащего признаки общественно опасного.

3. Если лицо склоняло иных лиц к совершению преступления либо расспрашивало иных лиц о способах его совершения, в том числе выясняло такие сведения посредством применения ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

4. Если лицо высказывало угрозы совершения преступления, в том числе письменные, недвусмысленно давая понять иным лицам о намерении совершить преступление.

5. Если на лицо, описывая приметы, предварительно обнаруженные при нем орудия и средства совершения преступления, указывают потерпевшие, очевидцы или свидетели как на лицо, совершившее конкретное уголовно наказуемое деяние.

6. Если лицо находилось на месте совершения деяния, содержащего признаки преступления, или в непосредственной близости от него, либо в указанном месте обнаружен принадлежащий этому лицу предмет, если нахождение его или предмета в данном месте объяснить иначе, чем причастностью к совершению преступления, невозможно.

7. Если у лица, в его жилище либо ином, избранном им для хранения месте, обнаружено похищенное имущество.

8. Если на теле лица, его одежде или на поверхности находящихся при нем предметов обнаружены явные следы преступления.

9. Если лицо непосредственно после совершения преступления пыталось скрыться без наличия для этого иной причины, кроме фактической причастности к его совершению.

10. Если лицо удалило, скрыло или уничтожило следы преступления, орудия или средства, применяемые при его совершении, либо предприняло попытку к реализации указанных действий, либо искало иной способ избежать уголовного преследования.

11. Если представлены иные данные, свойственные определенной ситуации, достаточные для обоснованного предположения о причастности лица к совершению преступления, и таковые должны быть конкретизированы.

Рекомендательный характер предложенных нами критериев обусловлен содержанием Особенной части УК РФ, включающей в себя 398 составов преступлений. Упомянутое количество не является статичным, с течением времени появляются все новые и новые виды престу-

плений и (или) их квалифицированные составы. Вместе с тем каждое преступление, а тем более каждое уголовное дело, имеет индивидуальные особенности. Ввиду этого однозначные строгие критерии обоснованности подозрения как оценочной категории определить невозможно, но их примерная формулировка, допустимая к уточнению правоприменителем – субъектом формирования подозрения с учетом индивидуальных обстоятельств произошедшего, представляется необходимой и подлежащей размещению в форме перечня критериев обоснованности подозрения в официальных ведомственных (межведомственных) методических рекомендациях в целях обеспечения единообразного применения уголовно-процессуального законодательства РФ.

Изложенное позволяет нам сформулировать следующую, приемлемую для закрепления в УПК РФ, в перечне основных понятий, дефиницию: «Обоснованное подозрение – это основанное на установленных правомочным или уполномоченным должностным лицом органа дознания или предварительного расследования одним или нескольких критериях внутреннее убеждение в причастности конкретного физического лица к совершению преступления». Данное положение сможет выступать отправной точкой начала персонализированного уголовного преследования в отношении объекта подозрения, порождая возникновение процессуального статуса подозреваемого вынесением одноименного процессуального документа, унифицированного для всех форм предварительного расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан по делу № 22К-1092/2016 от 2 июня 2016 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GGEG2zdGL6Jx/?ysclid=lsararghe4393802777> (дата обращения: 20.10.2023).

2. Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-12165/18 от 12 июля 2018 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1023556&ysclid=lsargdvtcx673559281#zx9LX3U3ntFqyidD> (дата обращения: 20.10.2023).

3. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда по делу № 22-7589/2019 от 29 октября 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d04TEiyngfYT/?ysclid=lsarew7k9a72561710> (дата обращения: 20.10.2023).

4. *Бадыло Ю.* «Обоснованность подозрения» как необходимый элемент при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Закон. 2020. 9 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/9/obosnovannost_podozreniya_kak_neobhodimyj_element_pri_izbranii_mery_presecheniya_v_vede_zaklyucheniya (дата обращения: 28.10.2023).

5. *Мельников В.Ю.* Философско-правовые основы понятий «подозрение» и «подозреваемый» в уголовном процессе России // Философия права. 2003. № 2 (8). С. 26–31.

6. *Мрочекъ-Дроздовский П.Н.* Толкования Русской Правды. М.: лит. т-ва Кушнерев и К°, 1890. 104 с.

7. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 11.06.2020 г.) // Российская газета. 2013. 27 декабря.

9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (с изм. от 05.03.2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

10. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного

Суда РФ по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 // Российская газета. 2016. 1 июня.

11. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (с изм. от 03.03.2015 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/?ysclid=lt475anwt369706901 (дата обращения: 20.10.2023).

12. *Пантелеев И.А.* Подозрение в уголовном процессе России. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2001. 48 с.

13. *Поликарпова О.С.* Проблемы взаимодействия оперативных подразделений с органами предварительного расследования в целях установления лиц, причастных к совершению преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4 (24). С. 87–93.

14. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова: постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154588/ (дата обращения: 20.10.2023).

15. Решение Европейского Суда по правам человека по делу Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства от 28 октября 1994 г. // Conventions. URL: <https://www.conventions.ru/int/2332/> (дата обращения: 20.10.2023).

16. Соборное уложение 1649 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/#sub_para_N_21 (дата обращения: 29.10.2023).

17. Уголовное дело № 11901400007001065 (судебный № 1-751/19) по обвинению И.Р.И. оглы в совершении преступления, предусмотренного ст.171.3 УК РФ // Архив Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. URL: https://ksl--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=653236297&case_uid=04a2f2db-4253-4415-aff7-4a2b42976c21&delo_id=1540005&new= (дата обращения: 11.08.2022).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. (в ред. от 21.09.2023 г.) // Законодательный Вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=152> (дата обращения: 28.10.2023).

19. Учреждение Санкт-Петербургской городской полиции: проект. СПб., 1836. 205 с.

20. Уставъ воинскій и Краткое изображение процессовъ или судебныхъ тяжёбъ / Напечатанъ повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества. СПб.: при Императорской Академіи Наукъ, 1787. 383 с.

21. *Фойницкий И.Я.* Курсъ уголовного судопроизводства. Т. I. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1896. 594 с.